

15 июня 1931 года

Открыли наш летний автозаводский сезон. Играли в десятый раз «Зе-
лёный шум», пьесу в 4-х действиях Ю. Болотова в постановке нашего
преподавателя – артиста и режиссёра городского театра Н. А. Левко-
ва. Роли исполнялись тем составом, который исполнял пьесу на первом
спектакле:

Кропотова	– В. Русинов
Ольгу	– М. Тихонова
Бориса	– Б. Суворов
Павла	– Ю. Славолюбов
Сергея	– В. Лебский
Татьяну	– М. Солдатова
Иру	– С. Фомина
Петра Долгова	– С. Сачков
Валентину	– З. Каткова
Наталью	– В. Благовидова
Прокудина	– С. Сачков.

Качество спектакля значительно упало, ещё совсем недавно спек-
такль был такой чёткий, гладкий, бодрый... Видно, что никто не рабо-
тает над углублением образов, а отсюда – более талантливые не теряют
добытого ранее, а другие, менее одарённые, помаленьку теряют старое
и не ищут ничего нового. Некоторые отклонились от образов в сторону
нереалистического толкования (в тоне которого идёт весь спектакль), а
в сторону гротеска... Всё это произошло ввиду того, что актёры, прислу-
шиваясь к реакции публики, начинают нажимать на те или иные места
роли, именно те, на которые больше всего реагирует публика. Низкий
культурный уровень влияет на развитие у актёров дурного вкуса. Юрий
Славолюбов уклонился в сторону шаржа и комикует... Такой Павел пере-
родиться не может, и это абсурдно. Благовидова не вступает в реплики,
и это неизменно влияет на тон спектакля.

М. Тихонова хороша, как всегда. Солдатовой надо делать слёзы из
вазелина, ибо она плачет с сухими глазами (вдобавок улыбающимися
какой-то странной улыбкой). Сачкову и Катковой в сцене во время за-
кулисного пения похоронного марша не надо комиковать, нажимая на
фразы, вся же сцена идёт хорошо. Русинову и Славолюбову текст не
удался, и они многое пропустили, оставляя лишь смысловой скелет фра-
зы. Помощница Солдатова – мало ещё опыта. Надо больше распоря-
жаться. Безобразие с актёрствованием. Некоторые не хотят помочь в
обстановке сцены и даже достать для себя нужные вещи. Славолюбов
играл без деревянной ноги вследствие того, что не захотел взять таковую
с предыдущего спектакля. Этому надо положить конец. Другое безобра-
зие: администратор, он же и актёр, отказывается подчиняться режис-
сёру – капитану спектакля.

Декорации для 3-го акта доставлены не были. Зabora нет. Прихо-
дится делать из крышек здешних столов, ставить бочонок, скамейку,
лестницу, якобы на дом, кусты, хворост и т. д., одним словом, «натура-
лизм»... к тому же бочонок, являясь пожарным, наполнен водой, которая
протухла и издает такую вонь, что не только на сцене, но и в зрительном
зале слышно. От такой воды любой пожар потухнет... лишь бы с ней не
связываться.

Спектакль начали около 11 часов вечера, так как сначала шло заседа-
ние. В середине заседания погас свет, и нам не с чем было накладывать

грим. Дал распоряжение гримироваться на улице при «отблесках заходящего солнца» и сел сам это делать. Велел класть карандаши по памяти, те, что употребляли раньше. Ребята же не все это освоили и загримировались применительно к «дневному-вечернему» свету. Дали свет. У некоторых страшные синяки. Буза... Показываю свой и Тихоновой грим.

Суфлера одного нет. Суфлируют то один, то другой. Это очень скверно. Сценка маленькая, мизансцены комкаются. На спектакле присутствовало человек 450, если не больше. Помещение низенькое. Духота. На сцене посторонние и свои с разговорами – надо искоренить.

Публика принимала хорошо, среди неё – колхозники, сезонники, рабочие. У меня скомкали выход – заели реплики и выпустили часть текста. Чувствовал себя очень скверно, ибо стоял, как оплётанный... роль моя в этом месте состоит в ответах и передразнениях, а вопросов-то и не задали, передразнивать-то нечего... Скверно. Славолюбову и Благовидовой смотреть в лицо трудно. Они играют неискренне, и глаза их в любой момент готовы рассмеяться...

Таню Иконникову – одну из исполнительниц – оставили на второй год. Несправедливо. Она ничего не знала, и ей пока не сказали.

27 июля 1931 года

Актёрам, по слухам премьеры, велел отдохнуть. Сам вместе с Сачковым пошёл в театр доставать электрошнур, лампочки и «волшебный фонарь». Зашли в Госиздат. Купили 10 флаконов туши. Из книг купил Вольтера «Мемуары и диалоги», том 2-й в издании 1931 года, мольеровского «Скупого» в дешёвом издании и брошюрку М. Горького и Ромэна Роллана. В ГИЗе есть третье издание «Моя жизнь в искусстве» К. С. Станиславского. Многое ещё хороших книг. Надо будет I том Вольтера поискать и поспрашивать в Нижнем.

Из ГИЗа в театр. Взяли необходимое и, погрузив на казённого извозчика, повезли к нам на гавань. В бараке клоу градусник и рисую шкалу, он неграмотно выглядит, ибо под руками нет книжки физики или настоящего термометра. Сима Фомина по моему поручению выкраила щитки для напльзов. Они из фанеры с орнаментом вверху в виде нескольких рядов кубиков. Маруся Тихонова делает икону для напльва.

Бреюсь – очень раздражил лицо. Не добрился... Пришлось оставить «эспаньолку». Лёвка (Сачков), до этого игравший в карты, ушёл в театр, где и обставил 1-е действие. Пришёл я на сцену. Начали «перепроводить» свет. Делаем рамку из шести больших ламп, и включаю «волшебный фонарь». Возимся, публика собралась и волнуется. Всё установлено и устроено. Света оказалось мало, так как лампы не того вольтажа. Меняя их на маленькие, и они горят значительно лучше.

Сказал маленькое вступительное слово. Был краток и примитивен.

Начали... Всё доходит до публики. Смех всё время волной проходит по полуторатысячной массе, облепившей сцену. Доходит даже игра с термометром, на что здесь рассчитывать было трудно. Плохо дело обстоит с помощником. Чистого помощника нет, а помощник – актриса М. Солдатова – просто не в силах одна что-либо сделать.

Ребята антиколлективны. Во многих много благоприобретённого барства. Русинов, избалованный Г. А. Яворовским, в отместку Солдатовой за то, что она не достала ему матросский костюм, ни разу не притронулся к книге, дабы помочь – посуфлировать. Славолюбовское сибаритство мешает коллективу – творческому коллективу.

Художественно спектакль имел (неожиданный для этой публики) успех. Актёрам мешал порою столь необходимый текст... Некоторые его не осилили. Были и анекдоты: так, например, вместо кота Васьки удалось достать сукотную кошку... все очень боялись, как бы на сцене во время игры не родились котята.

Или вот анекдотичный, но немного трагический случай: когда Воробушкин (действующее лицо пьесы) бежал из публики и кричал: «Понима-

ешь меня», – наступил кому-то на ногу или на руку и потревожил ноготь. Момент крика из публики на открытом воздухе дошёл как нельзя лучше.

«Эхо» надо делать, немного обождав, когда попртихнет смех. Бег в мешках очарователен. Скоро внесу целый ряд подвижных игр. Они дают побольше соку.

Превращений во втором действии не было, так как не оборудована сцена. По радио Вася Русинов не читал и не пел, так как я до сих пор не подобрал хорошенъких частушек.

Ребята сначала робели, а потом вошли в колею веселья... Очень рад. Хотя порой одного или другого ругаю, но в общем доволен. Родился мой полугодовой труд. Реализовались мои мечты. Пианистка была хороша, не то, что на репетициях. Спектакль кончили около 2 часов ночи. Публика подарила нам несколько своих дорогих часов сна. Ведь им на работу к 6 часам, а они сидят до двух у нас на спектакле. Ребята, когда что-нибудь доходит, посматривают: каков я? А я... Ведь это мое детище!

Кончили. Разбираем вещи и декорации. Некоторые очень рады. Я на небесах... Ведь пьеса-то пошла... идёт... доходит.

15 августа 1931 года

Вечером будет отчётный вечер, на котором мы, театралы, должны будем показать отрывки из пьес, прошедших в сезоне. Сижу, выбираю места. Подбор социально-диалектический. Отрывки чередуются: то рисующие положительное, то отрицательное явление. Подобрал. Зачитал ребятам порядок и сказал, почему, что и как.

Вечер. Ребята бузят. Некоторые (Славолюбов, Суворов) обижены, что я показываю не выигрышные места ролей актёров, а только известные сцены. Славолюбов «вообще против», ибо он – беспомощен без грима и без всяких всячин, что прячут актёрские недостатки... а недостатки огромны, взять хотя бы тот же неуместный смех.

Начали показ с «Зелёного щума», так как это индустриальная пьеса. Сначала показываем сцену отца и Павла. Перед каждой сценой делаю маленький конферанс.

1. Сознательный рабочий – отец Кропотов обвиняет сына Павла в отрыве от здорового рабочего ядра молодёжи (показываем начало пьесы).

2. В противовес предыдущей сцене мы показываем другого сына, ударника и изобретателя. Ночью с товарищем они занимаются изобретением машины, которая должна поднять производство (здесь мы показываем сцену из второго действия – сцена Петра и Бориса).

3. В ту же ночь Павел вынуждает отца изолировать себя и коллектив от сына. (Сцена: «Вон из дома! Слышишь?!»)

4. Девятнадцатилетняя дочь Кропотова, мечтающая построить жизнь под впечатлением заграничных кинофильмов, в момент пуска новой машины проводит время, оторвавшись от семьи и от здоровой молодёжи. (Сцена: Валя и Прокудин).

5. Проходят месяцы. Павел снова возвращается в свою семью и в коллектив (конец пьесы с появлением Павла).

После заводской темы показываем тему деревенскую. Сцены из пьесы «Полынь на меже».

1. Жена подкулачника Софья рассказывает о травле подкулачниками колхозника (рассказ о хвосте мерина).

2. Кулак Полуэктов пользуется темнотой Кузьмы и подговаривает его к убийству активиста-брата (показываем интермедию).

3. Несмотря на массу препятствий, травля, заговоры, вооруженное нападение, кулацкий сельсовет – деревенская беднота добивается организации колхоза и досрочных перевыборов сельсовета (конец пьесы).

Кончили вечер сценой, вписанной мною в финал «Дружной горки». Комсомольский коллектив «фабзайцев» после двухмесячного отдыха в коммуне-даче вновь возвращается на производство (финал – призыв к ударной работе). Этим призывом мы закончили наш сезон.

Эта работа – (показ отрывков) мне очень понравилась. Публика пьесы видела и хорошо знает. Большие комментарии были бы излишни. Много бы можно ещё показать, но слишком мало времени. Из-за отсутствия Благовидовой и Иконниковой были выпущены два наиболее положительных отрывка. Это из «Зелёного шума» – 5 и из «Полынь на меже» – 3.

После отрывков шёл концерт, где мы читали коллективную декламацию Кривича «Смоленская плясовая». После концерта был очень жидкий диспут, где говорили исключительно о концертах. О спектаклях кричали: «хорошо», «чего там говорить – всё нравится» и т. п.

16 августа 1931 года

В нашем распоряжении автомобиль. Сергея (Сачкова) нет с утра, ребята частично в нетрезвом виде. С Лёvkой перевожу декорации и ребят. Ездили два раза и оба по новой дороге... Красота. Привёз все декорации (прихватив материал на запас) к себе в сарай. Завалил всё, проломил доску пола. Куда всё девать? Во второй раз перевёз всех оставшихся ребят, развёз всех по домам.

Пожили и друг друга узнали. Коллектива нет. Есть много «личностей», но нет ни одного «действующего» лица.
